

ВВЕДЕНИЕ: Метод точного толкования

Учитывая существование большого числа соперничающих подходов к толкованию, представляется важным следующий вопрос: «Какой подход или метод правильный?» Эта дилемма еще более усложняется тем, что в Писании нет раздела, в котором современному читателю давались бы определенные правила *библейской* герменевтики. Эти правила необходимы, но кто же их определяет?

I. Каков источник смысла?

Чтобы ответить на ключевой вопрос о *методе* толкования, сначала нужно рассмотреть более общий вопрос: «Каков источник *смысла*?»

A. Варианты

Было предложено три главных источника смысла.

КАКОВ ИСТОЧНИК СМЫСЛА? ВАРИАНТЫ
Автор текста
Текст сам по себе
Читатель текста

1. Автор текста

Традиционно на вопрос об источнике смысла отвечают, что *авторитетом* в определении смысла текста *обладает его автор*. Это называется принципом *авторского замысла*. Именно автор – и только автор – наделен правом определять смысл использованных им слов. Его слова в конкретной форме *выражают* его невидимый *замысел*.

смысл = авторский замысел

Следовательно, толкователь отвечает за то, чтобы понять автора и его обстоятельства. Стремясь к этому, толкователь получает наилучшую возможность понять, что хотел сказать автор избранными им словами, грамматикой и литературной формой.

На протяжении всей истории вплоть до современности общее понимание было таково, что «без авторов у текстов нет ни авторитета, ни определенного смысла» (Vanhoozer, *Is There a Meaning in This Text?*, 70). Например, подумайте:

- Роль авторства в период распознавания Церковью новозаветного канона. Псевдоэпиграфы (книги с ложными, обманчивыми, притязаниями на авторство) были категорически отвергнуты как небогодухновенные. Богодухновенность книг с неустановленным авторством ставилась под сомнение. Авторство *имело значение*.

- Сильный акцент на авторский замысел в экзегетических комментариях, выпущенных в период и после Реформации.
- Акцент на авторский замысел в церковных вероисповеданиях и заявлениях. Например, *Вестминстерское исповедание веры* гласит: «Авторитет Священного Писания, которому должно верить и подчиняться, зиждется не на свидетельстве какого-либо человека или церкви, но всецело на Боге (Который есть сама истина) – Авторе Священного Писания» (глава 1, статья IV). Или взгляните на *Чикагское заявление о библейской герменевтике*.
- Для ознакомления с основательной аргументацией в защиту общего принципа авторского замысла, хотя и со светской позиции см. E. D. Hirsch, *Validity in Interpretation* (Yale University, 1967).

Последние события, а именно, развитие философии постмодернизма, привели к изгнанию автора как авторитета для смысла, тем самым породив несметное множество мнений. Ванхузер (Vanhoozer, *Is There a Meaning in This Text?*, 85) верно утверждает, хотя и слишком сдержанно: «По-видимому, существует некая связь между крушением монополии автора в определении смысла с одной стороны и бурным разрастанием различных подходов к толкованию с другой».

2. Текст

Вопреки кажущейся схожести с принципом авторского замысла сторонники этого взгляда считают, что сам текст – *независимо от намерения автора* – несет в себе свой собственный смысл. Они отвергают идею о том, что автор мог достаточно полно и ясно передать свой замысел, используя форму данного языка. Но они считают, что в том, что автор пишет, неизбежно открыто *меньше*, чем он намеревался сказать (отсюда его неспособность выразить свой замысел выбранными словами), и *больше* из его социального влияния, чем он осознавал. «За явной информацией, которую намеревался передать автор, стоит неявная информация об истории и обществе, в которых он жил» (Vanhoozer, *Is There a Meaning in This Text?*, 83). Следуя идеям Фрейда, сторонники этого подхода утверждают, что в тексте есть не только замысел автора, но и намного больше: все страхи, желания и предубеждения его предшествующей жизни, оказавшие влияние на автора и на то, что он написал, даже без его ведома.

Таким образом, задачей толкователя становится расшифровка таких скрытых в тексте знаков, чтобы определить его смысл, о котором автор не подозревал, и который он даже не намеревался вкладывать.

Одна из форм этого взгляда представлена сторонниками наличия в библейском тексте *sensus plenior* (лат. «более полный смысл») – мнение, особенно распространенное в среде римских католиков. Католический ученый Раймонд Браун объясняет *sensus plenior* как «тот более глубокий смысл, который намеревался передать Бог, но который не вполне осознавался автором-человеком, существование которого усматривается в словах библейского текста при их изучении в свете последующего

откровения или в свете развития понимания откровения» (“Hermeneutics,” в *The Jerome Biblical Commentary*, 615). В таком случае, в *тексте* есть заложенный в него смысл, который не был известен автору-человеку в момент его написания, но который позже был раскрыт последующим библейским автором или – как в случае Римско-католической церковью – последующим толкователем (напр., Церковью).

Так называемый «канонический» подход к Писанию, который утверждает, что отдельные тексты нельзя толковать сами по себе, без их прочтения через призму всего Писания, также попадает в эту вторую категорию. Согласно этому взгляду, ветхозаветные тексты не могли быть правильно поняты сами по себе ни их авторами, ни читателями, до завершения новозаветного канона.

3. Читатель

Преобладающее мнение среди современных литературных критиков, побуждаемое распространением философии постмодернизма, состоит в том, что смысл тексту придает сам *читатель*. Каждый читатель вносит в текст свои личные или общественные предубеждения или предрассудки, свои намерения и предпочтения. Он не может оградить от них ни самого себя, ни свое общество, поскольку это было бы так же невозможно, как и безнравственно. Смысл текста при этом не *объективный* и *неизменный* (как в случае его зависимости от автора), а *субъективный* и *изменчивый*.

В своей мягкой форме этот взгляд утверждает, что замысел автора и предубеждения читателя *сливаются* в процессе толкования для создания «смысла». Его сторонники часто говорят о «двух горизонтах»: о «горизонте» автора и что он привносит в процесс через свой текст, и о «горизонте» читателя и что привносит он сам (см. работы Anthony Thiselton: *The Two Horizons: New Testament Hermeneutics and Philosophical Description* и *New Horizons in Hermeneutics*, и др.).

В более радикальных формах полностью избавляются от автора, а чтение текста превращается просто в процесс толкования *самого себя* или *своего общества*. Толкователь становится *художником*, а процесс толкования – *творческим актом*. Толкование имеет целью не раскрыть смысл, вложенный в текст автором, а *выявить ситуацию* или *найти выражение* читателя с религиозной, общественной и политической стороны согласно его обществу или в отличие от других обществ. (Практическая иллюстрация этого, когда на собрании малой группы каждый говорит, «что этот текст значит для него».)

В. Решение

Ответ на этот вопрос (*Каков источник смысла?*) лежит в *богословской* сфере, а не в философской. *Природа Писания* (библиология) – вот отправная точка для формирования библейской герменевтики.

1. Писание – это Божье *откровение*

От начала до конца Писание утверждает, что оно – результат добровольного действия Бога, открывшего Себя человеку. Другими словами, Писание не исходит от человека, это не собрание человеческих попыток найти Бога. Писание безоговорочно провозглашает, что, в конечном счете, его *Автор* – Бог.

- **2 Тимофею 3:16** – «Всё Писание богодухновенно [букв. «выдохнуто Богом», θεόπνευστος]».
- **Псалом 118:13** – Говоря о написанном Моисеевом законе, псалмопевец пишет: «Устами моими возвещал я все суды *уст Твоих*» (курсив добавлен). См. также ст. 72, 88, 103.
- **Римлянам 14:24-26** – «Могущему же утвердить вас, по благовествованию моему и проповеди Иисуса Христа, по откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчано,²⁵ но которая ныне явлена, и через писания пророческие, по повелению вечного Бога, возвещена всем народам для покорения их вере,²⁶ Единому Премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава во веки. Аминь».

СЛЕДОВАТЕЛЬНО: Само определение «откровения» указывает на необходимость того, чтобы источником *смысла* был *открывающий* (автор), а не его *принимаящий* (читатель). Как откровение Писание открывает истину, которую человек не знает и не может обнаружить, пока это Писание не появится.

Имея одного Автора, Писание обладает единством и согласованностью в общих идеях и в деталях. Оно также обладает объективным смыслом, поскольку его божественный Автор возвышается над всеми культурными, географическими, лингвистическими и историческими рамками, будучи отделен от них.

2. Писание отражает *характер* своего божественного Автора

Писание часто говорит, что Бог действует «по Слову Своему. Его Слово обладает тем же авторитетом и величием, что и Его «имя», в котором совокупно выражен Его характер.

- **Псалом 137:2** – «Поклоняюсь пред святым храмом Твоим и славлю имя Твое за милость Твою и за истину Твою, ибо Ты возвеличил слово Твое превыше всякого имени Твоего».

Те же самые характеристики, которыми описан характер Бога, также используются и в отношении Писания.

- **Иоанна 17:17b** – «Слово Твое есть истина» (ср. Пс. 118:160).
- **Псалом 18:8-10** – «Закон Господа совершен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых.⁹ Повеления Господа праведны, веселят сердце; заповедь Господа светла, просвещает очи.¹⁰ Страх Господень чист,

пребывает вовек. Суды Господни истина, все праведны».

- **Псалом 118:89** – «На веки, Господи, слово Твое утверждено на небесах».

ПОЭТОМУ: Обладая теми же характеристиками, что и его Автор, Писание в целом, и его весть/смысл в частности, *истинно, совершенно, надежно, праведно, чисто, ясно, вечно, упорядочено* и т.д., как и характер Самого Бога.

3. Писание было дано через людей

Писание не было написано на некоем божественном или ангельском языке или на каком-то непонятном диалекте, незнакомом его первоначальным читателям, но было написано с использованием слов и грамматики языка его первых получателей. Кроме того, Писание не было ниспослано из небесного тронного зала в виде законченной книги, но постепенно записывалось реальными историческими лицами в реальное время и в реальных местах.

- **Матфея 1:22** – «А все сие произошло, да сбудется реченное [ὅτι] Господом через [διὰ] пророка, который говорит».
- **Матфея 2:15** – «да сбудется реченное [ὅτι] Господом через [διὰ] пророка, который говорит».

*ПРИМЕЧАНИЕ: Греческий предлог ὅτι [обозначает действующее лицо] указывает на *главное действующее лицо*, тогда как греческий предлог διὰ [«через, посредством»] указывает на *посредника* или *средство*.

- **2 Петра 1:20-21** – «Зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. ²¹ Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым.

СЛЕДОВАТЕЛЬНО: Данная характеристика откровения – божественная истина, переданная обычными человеческими словами – ведет нас к утверждению о *ясности Писания*, а именно, что Бог передал человеку Своё откровение на таком языке, в таких понятиях и образах, которые человек может понять. Следовательно, Писание *доступно* человеку, поскольку Бог *снизошел*, чтобы говорить на человеческом уровне.

В то же время, Божье всемогущее влияние на человеческое измерение в Писании сохраняет его от последствий первородного греха. Хотя *человеку свойственно ошибаться*, было бы неверно полагать, что человеческая составляющая в Писании обязательно должна вести к ошибкам, чтобы сохранить ее присутствие в Писании. Настаивать на этом (как делают некоторые богословы) – все равно, что настаивать, что из-за человеческой природы Иисуса Христа Он обязательно бы грешил!

Действие богодухновенности сохранило авторов-людей от обычных проблем при передаче информации человеческими средствами, поразивших все человечество и разрушающих взаимоотношения с самого момента

грехопадения (напр., некомпетентность, неясность, ошибки, обман). Другими словами, Божье *снисхождение* к тому, чтобы передать истину человеческим языком, который может быть понят человеческим разумом, не приводит ни к какому искажению.

В *Чикагском заявлении о непогрешимости Библии* говорится (статья IV):

Мы утверждаем, что Бог, создавший человечество по Своему образу, воспользовался языком как средством откровения. Мы отрицаем, что человеческий язык так ограничен нашей человеческой природой, что не может служить средством божественного откровения. Далее, мы отрицаем, что испорченность грехом человеческой природы и языка разрушило труд божественной благодати при написании Библии.

*Примечание о ясности Писания (лат. *claritas Sripturae*): Доктрина ясности опирается на истину о том, что Бог говорил посредством человеческого языка, используя слова и идеи, понятные человеческому разуму. Но при этом следует сделать несколько оговорок. Доктрина о ясности Библии *не* отменяет:

- Необходимости в духовном просвещении, включая основополагающее событие духовного возрождения и последующую помощь Святого Духа в изучении Библии (ср. 1 Кор. 2:14-16).
- Необходимости усердного труда и дисциплины в процессе толкования. Всё равно следует преодолевать главные препятствия: языковые, культурные, географические и исторические (ср. 2 Тим. 2:15).
- Наблюдения о том, что не все тексты Писания одинаковой степени понятны; существуют как трудные (ср. 2 Пет. 3:16; см. «крещение для мертвых» в 1 Кор. 15:29), так и легкие для понимания тексты Писания.
- Необходимости выполнения в церкви своей роли пастырями-учителями в преподавании Библии (ср. Еф. 4:11 и дал.).
- Необходимости возрастания и зрелости в процессе толкования.

4. Писание отражает индивидуальные особенности авторов-людей

Используя для передачи Своих идей человеческие слова, Бог в процессе составления Писания также сохранил индивидуальность писателей-людей и их личные характеристики. Поэтому Писанию присуще столько же много литературных стилей, сколько у него авторов-людей. И даже среди разных книг, написанных одним автором, обнаруживаются разные стили написания в зависимости от возраста автора, времени написания, разных вопросов, поднимаемых в книге, и особенностей аудитории, к которым он обращался. И всё же, это человеческое измерение Писания идет рука об руку с божественным, вкладывая в каждый текст Писания единый смысл.

- **Лук. 1:1-4** – «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, ² как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, ³ то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, ⁴ чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен».
- **Гал. 6:11** – «Видите, как много написал я вам своею рукою».
- **2 Пет. 3:15b-16a** – «...как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, ¹⁶ как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное...»
- **Иуд. 1:3** – «Возлюбленные! Имея все усердие писать вам об общем спасении, я почел за нужное написать вам увещание – подвизаться за веру, однажды преданную святым».

Также в *Чикагском заявлении о непогрешимости Библии* говорится (статья VIII):

Мы утверждаем, что Бог в Своем труде вдохновения использовал особенности личности и литературный стиль авторов, которых Он избрал и которых подготовил к этому труду. Мы отрицаем, что Бог побуждал этих авторов употреблять именно те слова, которые Он избрал, игнорируя их личность.

СЛЕДОВАТЕЛЬНО: Этот факт делает необходимым изучение автора-человека и его обстоятельств как основания для поиска смысла текста. *Ключ к пониманию смысла, предназначавшегося читателю, заключается в авторе-человеке, который верно записал Божье откровение своими словами.*

5. Писание дано через *прогрессирующее* откровение

Божье снисхождение на человеческий уровень понимания при передаче откровения также подтверждается историческим процессом этой передачи. Бог не открыл всего, что Он хотел открыть – что есть у нас сейчас в виде 66 книг Писания, – за несколько недель, лет или даже в течение жизни одного поколения. Но Он открывал Свою истину *постепенно* на протяжении эпох человеческой истории.

- **Евр. 1:1-2; 2:1** – «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, ² в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил... ^{2:1} Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному, чтобы не отпасть».
- **1 Пет. 1:10-12** – «К сему-то спасению относились изыскания и исследования пророков, которые предсказывали о назначенной вам благодати, ¹¹ исследывая, на которое и на какое время указывал суший в них Дух Христов, когда Он предвозвещал Христовы страдания и последующую за ними славу. ¹² Им открыто было, что не им самим, а нам служило то, что

ныне проповедано вам благовествовавшими Духом Святым, посланным с небес, во что желают проникнуть Ангелы».

В *Чикагском заявлении о непогрешимости Библии* (статья V) говорится:

Мы утверждаем, что Божье откровение в Священном Писании было прогрессирующим. Мы отрицаем, что позднейшее откровение, дополняющее более раннее, может исправлять его или противоречить ему. Далее, мы отрицаем, что по завершении написания книг Нового Завета кому-либо было дано какое-либо откровение, стоящее наравне с Писанием.

Заложив основание, Бог постепенно продвигался к кульминации, давая новое откровение в свете предыдущего, строя на том, что уже было дано, и призывая каждое поколение принять во внимание всё, чтобы было открыто до того момента.

СЛЕДОВАТЕЛЬНО: Писание нужно толковать не как анахроническое, а как прогрессирующее. Последующее откровение, хотя и помогает лучше понять или проиллюстрировать предшествующее, однако не является обязательным для правильного понимания авторского замысла в более раннем откровении. В то же самое время, ранее откровение служит ясным основанием для последующего. Следовательно, каждый текст Писания должен быть истолкован в свете его ближайшего контекста и в свете предшествующего откровения, которое подводит нас к этому тексту.

ПРИРОДА ПИСАНИЯ – ОТПРАВНАЯ ТОЧКА ГЕРМЕНЕВТИКИ
Писание – это Божье откровение
Писание отражает характер своего божественного Автора
Писание было дано через людей
Писание отражает индивидуальные особенности авторов-людей
Писание дано через прогрессирующее откровение

6. Бог говорит без запинки!

Следовательно, *источник смысла* библейского текста заключен в замысле автора-человека, сформированном по Божьей воле, совершенно изложенном и запечатленном в тексте через процесс богодухновенности, в котором Бог снизошел на уровень человеческого языка, чтобы открыть Себя достаточным и совершенным образом, в той мере, в какой Он должен и может быть познан людьми.

СЛЕДОВАТЕЛЬНО: Бог открыл Себя без запинки, Он не был расстроен ограниченностью человеческого языка!

II. Как отыскать смысл текста?

Учитывая природу Писания, при его толковании следует руководствоваться следующими фундаментальными правилами («Общая герменевтика»).

A. Полагаться на Божью помощь

Приступая к книге, имеющей божественного автора, толкователь не может достичь успеха в своем деле без упования на божественную помощь. Некто сказал: «Прежде чем *опустить* свои глаза к Писанию, надо *поднять* их к его Автору».

Эта божественная духовная помощь традиционно называется *просвещением*. Духовное просвещение можно описать как внутреннее свидетельство Святого Духа, которое расширяет понимание верующего и дает ему полную уверенность в точности и надежности смысла изучаемого библейского текста.

Это служение Святого Духа описывается в таких текстах как:

- Псалмопевец молится в Псалме 118:18, 73 и др.: «Открой очи мои», «вразуми меня».
- Апостол Павел молится в Еф. 1:17-18: «чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа... просветил очи сердца вашего»
- 1 Иоан. 2:20-21: «вы имеете помазание от Святого и знаете всё».
- 1 Иоан. 2:27: «Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас...»

Карл Генри соответственно сказал: «Таким образом, труд Святого Духа связан с постоянно возрастающим просвещением христианина в богодухновенном пророческо-апостольском откровении» (*God, Revelation and Authority*, 4:2777).

B. Искать авторский замысел

Этот первичный принцип прямо вытекает из вышеизложенного материала. Смысл находится не в читателе или в тексте, как бы существующем отдельно от его автора, а в замысле автора относительно записанных им слов. основополагающий принцип для толкователя, следовательно, заключается в том, чтобы следовать за автором текста и подстроиться под его мышление, чтобы понять, какой у него был замысел в момент написания. Поэтому понимание языкового, географического, культурного и исторического контекста автора крайне важно.

Обсуждение: Вот некоторые возражения принципу «авторского замысла» (которые критики иногда называют «заблуждением замысла»):

- ВОЗРАЖЕНИЕ: Толкователь никогда не постигнет в достаточной степени всех эмоций и мыслей автора, которые у него были в момент написания.

ОТВЕТ:

- ВОЗРАЖЕНИЕ: Автор не может достаточно ясно выразиться словами, поэтому пристальное изучение того, что он написал, никогда не приведет толкователя к правильному пониманию его замысла.
- ОТВЕТ:
- ВОЗРАЖЕНИЕ: Когда авторы что-то говорят, то под влиянием своего подсознательного выбора слов, грамматики и формы они неизбежно сообщают больше, чем они намеревались сказать.
- ОТВЕТ:

С. Толковать текст буквально

Этот принцип толкования требует, чтобы толкователь избегал аллегорического понимания слов или идей в тексте или такого их понимания, при котором игнорируется их простой буквальный смысл. Буквальное толкование текста – это толкование слов и грамматики в их общепринятом и обычном понимании в то время, когда текст был написан. Трейна (*Methodical Bible Study*, 182) мудро утверждает:

Самое легкое объяснение, то есть, то, которое наиболее естественно и без натяжки вытекает из всех фактов, обычно и есть самое точное. Неправильно считать самое хитроумное или самое таинственное толкование самым здоровым.

Мистические озарения в процессе толкования, сомнительные предположения о наличии в тексте «поэтических приемов», причудливые объяснения цифр или подходы к толкованию, практикуемые только в определенном ограниченном кругу ученых, – все это следует отвергнуть. Самое простое, самое естественное понимание текста в его контексте – вот наша цель. Мартин Лютер прав, когда пишет: «Одним лишь историческим содержанием обеспечивается истинное и здоровое учение» (*Lectures on Genesis, Chapters 1-5, in Luther's Works*, ed. J. Pelican [Concordia, 1958], 1:233).

В то же самое время, буквальное толкование *не* пренебрегает образной речью (в отличие от *буквализма*). Но именно буквальное толкование –

правильно примененное – *обнаруживает* образную речь и ведет к ее правильному пониманию. И только сам автор может указывать, когда его слова следует толковать образно.

D. Искать один смысл у каждого текста

Этот принцип толкования подразумевает, что у библейского текста есть один и только один смысл. Существует только *одно* правильное толкование, и толкователь обязан искать и раскрывать это толкование. Пуританский богослов Уильям Эймс (1576-1633) писал:

Есть только один смысл у каждого места Писания. Иначе смысл Писания не просто был бы неясным или недостоверным, но его не было бы совсем, так как очевидно, что если что-либо не имеет одного смысла, то оно не имеет ни одного.

Следовательно, отвержение принципа однозначности погружает процесс толкования в море субъективизма и путаницы. Сколько же тогда у текста значений? Джон Райл пишет в «Размышлениях над Евангелием от Луки» (Минск: Завет Христа, 2001. С. 376):

Я думаю, что очень опасно считать, что слова в Писании могут означать все, что угодно. Безусловно, глубина всего Писания неизмерима, и этим оно отличается от всех остальных книг. Но я уверен, что слова в Писании были предназначены для того, чтобы передать один смысл, и что перед нами должна быть одна цель – выяснить этот смысл и твердо держаться его. Как правило, слова Писания, как слова в языке, имеют одно определенное значение, и говорить, что слова *значат* что-то еще только потому, что из них *можно* извлечь еще какой-то смысл, – значит бесчестить Писание и идти по опасному пути.

E. Толковать тексты в свете предшествующего откровения

Это правило, называемое «принципом предшествующего богословия», ограничивает толкователя в том, чтобы он учитывал божественное откровение, предшествующее толкуемому тексту по времени, но не следующего после него. Это служит защитой *богословского контекста* библейского автора (у него было только откровение, данное на тот момент времени) и препятствует тому, чтобы более поздние тексты не вносились в более ранние тексты или не заменяли их.

Уолтер Кайзер (*На пути к экзегетическому богословию*) выразил этот принцип очень хорошо. Он называет этот принцип «строго *диахроническим* (в переводе с греческого – «через время») аспектом, когда развитие богословия изучается и классифицируется в соответствии с определенным периодом (или периодами)». Далее он говорит:

Экзегет сможет прибегать к библейскому богословию всякий раз, когда концепция, слово, цитата или событие в изучаемом отрывке явно указывают на изначальное понимание связи с предшествующими постулатами веры и намерение дальше развивать этот постулат» (с. 90).

Принцип предшествующего Писания требует, чтобы экзегет был знаком с более ранними частями Писания – *словом, концепцией* или *прямой цитатой* – составлявшими контекст библейского писателя.

Пример: «День Господень» у больших и малых пророков; затем в 1 Фес. 5:2; 2 Фес. 2:2; 2 Пет. 3:10.

Экзегет должен быть осторожным, чтобы не *преувеличивать* влияние предшествующего Писания на библейского автора, а также не предполагать такого влияния, когда в самом тексте нет указаний на это. Если в контексте нет объективных оснований для предположения, что автор ссылается на определенное понятие, обетование или слово из предшествующего откровения, толкователь не может навязывать тексту такую связь.

Е. Оценивать экзегетические результаты

Принципы авторского замысла, буквального толкования, однозначности и доступности смысла подразумевают *достоверность* толкования, то есть, возможность оценивать правильность экзегетических выводов. Эта оценка проводится двумя способами:

1. Принцип аналогии веры

Принципу *аналогии веры* (лат. *analogia fidei*) традиционно дается такое определение:

Аналогия веры – это правило, по которому Писание должно толковаться Писанием: *Sacra Scriptura sui interpretes* (Священное Писание толкует само себя). Это значит, просто говоря, что ни одна часть Писания не должна истолковываться таким образом, чтобы она входила в противоречие с тем, что явно утверждается в другом месте Писания» (R. C. Sproul, *Knowing Scripture*, 52).

Сходным образом в 18 статье *Чикагского заявления о непогрешимости Библии* утверждается: «Мы утверждаем, что текст Писания следует толковать с помощью историко-грамматической экзегезы, с учетом его литературных форм и приемов, а также, что *Писание следует истолковывать самим Писанием*» (курсив добавлен).

Принцип *аналогия веры* основан на исходной предпосылке о том, что в Писании представлена единая система вероучения. Поскольку у Писания есть только *один* исходный автор, то между смыслом его отдельных текстов нет никаких противоречий. Ни один отрывок Писания – при условии его верного понимания – не будет противоречить другому.

То, что Бог говорит *согласованно*, можно увидеть на примере верующих в Верии в Деяния 17:11: «Здесь были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно

разбирая Писания, точно ли это так». Проверкой проповеди Павла на истинность было ее соответствие уже данному на тот момент откровению. Бог не противоречит Самому Себе.

Споры относительно этого принципа возникают по поводу *времени* его применения. Как считает Спраул, принцип *аналогия веры* – это «главное правило герменевтики» (*Knowing Scripture*, 52). Он утверждает, что применять его следует от начала и до конца процесса толкования. К толкованию каждого отдельного текста должно привлекаться всё Писание. Таким образом, всестороннее понимание Писания – это *инструмент* в процессе толкования.

Сторонники этого подхода применяют в большей степени *дедуктивный* метод толкования. Поскольку Писание учит определенным богословским догматам, то конкретные тексты должны быть естественным образом истолкованы в гармонии с этими учениями. А если между ними существует разногласие, то неверным должно быть определенное толкование, а не утвержденный догмат.

Пример: Толкование Откровения 20:1-7 в ковенантном богословии.

Пример: Галатам 3:28 и евангельский феминизм.

Недостатки такого применения правила *аналогии веры* очевидны: оно эффективно лишь настолько, насколько точно. И поскольку богословы не могут полностью согласиться, что именно входит в «аналогию веры», то по-прежнему остается существенная доля неопределенности и субъективизма. Если раньше при толковании других текстов были допущены ошибки, то эти ошибки повлияют на толкование рассматриваемого текста. Дэниел Фуллер (“Biblical Theology and the Analogy of Faith,” с. 8) утверждает:

Пока экзегетика библейских текстов проводится с помощью такой «герменевтики аналогии веры», будет сложно питать и исправлять систематическое богословие экзегетическими выводами из библейского текста.

Такое употребление принципа *аналогии веры* также похоже на *канонический подход* к Писанию, когда считается, что отдельный текст нельзя истолковать правильно только на основании его собственных данных. Например, для истолкования Божьего обетования, данного Аврааму в Бытие 12:1-3, необходимо *всё* Писание – включая и Новый Завет. Однако такой подход неизбежно ведет к исключению принципов авторского замысла и однозначности текста.

Обсуждение:

Второй вариант – подтвердить гармонию Писания, применяя принцип *аналогии веры* на другой стадии процесса толкования. Вместо применения *в течение всего* процесса толкования, он применяется лишь *в конце*, в качестве *постэкзегетической проверки*. Уолтер Кайзер (*На пути к экзегетическому богословию*, 83) пишет:

Однако в исследовании текста есть место для канонического контекста. Закончив экзегетическое исследование и определив намерения автора, мы делаем *следующий шаг* – приступаем к рассмотрению данного учения в контексте всей Библии, собрав воедино все, что Бог говорил на данную тему. Потом нужно сравнить этот материал с результатами нашего собственного анализа отрывка. Запомните: контекст канона должен присутствовать при подведении итогов, но никогда – в качестве экзегезы.

Другими словами, толкователь должен заниматься изучением самого текста – и его *предшествующего* контекста, – чтобы обнаружить замысел автора о его словах. Оценка результатов экзегезы на их соответствие канону Писания в целом и положение в нем – и в нашем систематическом богословии – происходит в конце процесса толкования. Если есть несоответствие, то это сигнал толкователю *не* о том, что Писание в чем-то не согласованно, а о том, он сам допустил ошибку – *либо* в толковании своего текста, *либо* ранее в толковании текстов, имеющих отношение к данной теме. Затем он возвращается к экзегетическому процессу, чтобы найти решение своей дилеммы.

И снова Дэниел Фуллер (“Biblical Theology and the Analogy of Faith,” п. 23, с. 21-22) пишет:

Во-вторых, когда мы не можем с помощью аналогии веры быстро отделаться от текстов, которые противоречат нашим богословским предубеждениям, мы вынуждены прислушиваться к библейскому автору с особым вниманием, что в другом случае было бы невозможно.

2. Принцип кафоличности

Вечность и неизменность Божьего Слова подразумевает, что его смысл объективен и неизменен независимо от времени или культуры. Ясность Писания подразумевает, что этот объективный смысл всегда был доступен верующим в течение истории.

Следовательно, важной частью экзегетического процесса является правильное использование экзегетических результатов других верных толкователей. Хотя они не авторитетны, но всё же эти результаты снабжают толкователя множеством разных деталей, мнений, аргументов и заключений, которые должны быть взвешены насколько возможно объективно в процессе поиска смысла текста.

Этот принцип важен, поскольку он предохраняет от *новшеств* в толковании. Настаивать на *неизвестном ранее* толковании – значит

утверждать, что такое заключение прежде было *недоступно* для верных исследователей Писания. Об этом пишет Роберт Томас (*Introduction to Exegesis*, с. 28):

Некоторые возражают против обращения в процессе экзегезы к толкованиям других людей, как при подготовке к толкованию, так и собственно при толковании. Им кажется, что это ограничивает или исключает возможность учительного служения Святого Духа. Этот подход утверждает, что правильное толкование передается, только когда Дух просвещает толкователя напрямую. Он не допускает возможности, что Дух использует косвенные средства наставления о смысле отрывка. Несомненно, Святой Дух просвещает верующих Своим прямым действием на них. Но утверждение, что Он не использует для этого никаких средств, противоречит Писанию. В 1 Коринфянам 12:28, 29 и Ефессянам 4:11, 12 абсолютно ясно показано, что учение – это один из важных даров Духа в теле Христовом, и что учителя играют большую роль в том, чтобы способствовать росту этого тела. Эти учителя учат посредством устного служения, но они также учат и посредством письменного наставления. В письменных трудах этих учителей, данных Христом Своей церкви, нам доступны богатые кладовые данного Духом учения, основанного на Библии, и мы не должны этим пренебрегать. Это должно быть использовано христианами точно так же, как они используют полученное на уроках. Это не следует расценивать как информацию, исключающую прямое наставление Духа, но использовать вместе с ним как дополнение.

По поводу проблемы *новаторских* толкований Фи и Стюарт (*Как читать Библию и видеть всю ее ценность* [«Логос», СПб., 1993]. С. 8) пишут:

Толкование, которое стремится к уникальности и процветает на ней, обычно можно соотнести с гордыней (попыткой «быть умнее» всего остального мира), с ложным пониманием духовности (как будто Библия полна глубоких истин, ждущих своего открытия духовно чутким человеком с особой пронизательностью) или с определенными интересами (необходимостью поддержать теологический уклон, особенно с текстами, которые, кажется, идут вразрез с этим уклоном). Уникальные толкования обычно неверны.

Однако следует помнить, что за экзегетическими результатами других толкователей лежит духовное состояние и герменевтические принципы, которые повлияли на эти результаты. Следует тщательно анализировать эти факторы, оценивая вес их экзегетических результатов.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ БИБЛЕЙСКОГО ТОЛКОВАНИЯ	
Полагаться на Божью помощь	
Искать авторский замысел	
Толковать текст буквально	
Искать один смысл у каждого текста	
Учитывать предшествующее откровение	
Оценивать экзегетические результаты	Аналогия веры
	Кафоличность

III. Правильный метод? *Грамматико-исторический*

Метод толкования, который наилучшим образом отражает все перечисленные выше принципы, называется «грамматико-историческим методом». Давая определение этому методу, Мильтон Терри (*Biblical Hermeneutics*, с. 173) утверждает, что это метод, «который наиболее полно зарекомендовал себя перед судом и совестью христианских ученых. Его фундаментальный принцип заключается в том, чтобы вывести из самого Писания точный смысл, который намеревались передать авторы». Более сжато его объясняет Роберт Томас (*Introduction to Exegesis*, с. 24): «Изучение богодухновенного Писания с целью раскрыть под водительством Святого Духа смысл текста, продиктованный грамматикой и историческими фактами».

Как явствует из названия, «грамматико-исторический» метод экзегезы заключается в исследовании *грамматических принципов* и *исторических фактов*, чтобы определить заложенный автором смысл текста.

A. Грамматические принципы

Грамматический аспект грамматико-исторического метода посвящен выяснению значений слов и связи между ними в предложении. Это связано с пониманием предложения в прямом, обычном, буквальном смысле.

1. Значение слов – *лексический анализ*

В словах заложен определенный смысл. Например, «яблоко» – это не «стол», также и «школа» – не «красный цвет». Следовательно, толкователь должен внимательно изучить слова (*lexica*) в тексте, чтобы определить, какие слова в нем играют важнейшую роль в определении смысла предложения или абзаца, и какой вклад они делают. Это задача *лексического анализа*.

**Примечание:* Лексический анализ представляется тем более важным, если мы верим в *вербальную богодухновенность* – в то, что *каждое слово* было вдохновлено Богом.

2. Взаимосвязь слов в предложении – синтаксический анализ

Хотя сами слова обладают определенным смыслом, по отдельности они имеют целый *спектр* значений. Этот спектр сужается только их связью с другими словами в предложении. Такая взаимосвязь называется *грамматикой*, или *синтаксисом*.

Следовательно, грамматико-исторический метод делает особый акцент на тщательном анализе структуры каждого предложения, оборота или фразы в тексте, признавая, что эта структура делает свой вклад в понимание авторского замысла.

В. Исторические факты

Уолтер Кайзер (*На пути к экзегетическому богословию*, с. 88) поясняет: «Исторический смысл – это смысл, диктуемый тщательным изучением особенностей хронологического периода и обстоятельств, в которых жил и писал свое произведение автор». Этот аспект грамматико-исторического метода связан с изучением *исторического фона* исследуемого текста. Толкователь должен постараться найти ответы на такие вопросы, как:

- Автор книги – Кто он?
- Дата написания – Когда книга была написана?
- Место написания – Где была написана книга?
- Адресат или первые читатели – Кому книга предназначалась?
- Цель – Для чего книга была написана?

Для ответа на эти вопросы необходимо изучить *культуру, географию и историю* библейского автора и его первоначальной аудитории.

ГРАММАТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД		
1.	Грамматические принципы	Лексический анализ
		Синтаксический анализ
2.	Исторические факты	

Мильтон Терри (*Biblical Hermeneutics*, с. 205) так выразил следствия применения грамматико-исторического метода в толковании:

Фундаментальный принцип грамматико-исторического толкования заключается в том, что слова и предложения, связанные определенным образом, могут иметь лишь один смысл. Стоит этим пренебречь, и нас унесет в океан неопределённости и догадок.